

ВЛАДИМИР ФЕТИСОВ
СУДЕБ СПЛЕТЕНЬЕ...

Судеб переплетенье...

Вместо предисловия

В детстве, прочитав стихотворение Маршака «Гвоздь и подкова», впервые задумался о роли случайности в судьбах людей.

Не было гвоздя -
Подкова
Пропала.
Не было подковы -
Лошадь захромала.
Лошадь захромала -
Командир убит.
Конница разбита -
Армия бежит.
Враг вступает в город,
Пленных не щадя,
Оттого, что в кузнице
Не было гвоздя.

С тех пор не оставляет вопрос, случайно ли всё в нашей жизни или напротив - всё расписано в Большой небесной Канцелярской книге, и судьба наша predetermined. Я по мировоззрению своему агностик, поэтому, думаю, люди всё-таки не марионетки, живущие по точным сценариям кукловодов, и всем на Земле правит Его Величество Случай.

Помню, какое сильное впечатление на меня произвёл рассказ Рэя Брэдбери «И грянул гром». Действие там происходит в далёком будущем, где некая турфирма отправляла с помощью машины времени желающих в доисторические времена, «за миллион лет до нашей эры», поохотиться на динозавров и прочую экзотическую живность - такое сафари для очень богатых клиентов. Охота была в строго ограниченных зонах, чтобы ничего не изменить в течение времени. Скажем, убить разрешалось динозавра, который через минуту должен утонуть в асфальтовом болоте, ну и тому подобное. Туристы строго предупреждались, что шаг влево- вправо недопустим. Но однажды один турист нарушил правила, куда-то не туда наступил и раздавил бабочку. Казалось бы, мелочь, но, когда они вернулись обратно, на Земле властвовал фашизм.

А ещё песня была, которая так и называлась, - «Случайность». Она часто звучала по радио и телевидению. Помните?

Представить страшно мне теперь,
Что я не ту открыл бы дверь,
Другой бы улицей прошёл,
Тебя не встретил, не нашёл!

Так к чему я это всё? Постепенно узнавая историю своих родителей, всё время возвращался к мысли, каким случайностям, каким прихотливым изгибам судьбы я обязан своим появлением на свет именно в городе Ташкенте и именно в то, послевоенное время. А история эта причудлива и весьма занимательна.

Глава первая Мама

Шёл 1919 год. На просторах бывшей Российской империи полыхала братоубийственная война. А в селе Куриловка Саратовской губернии в семье Дмитрия Форофонтова и Матрёны Грязновой, у которых уже было два сына, – девятилетний Пётр и четырёхлетний Василий - родилась долгожданная девочка, которую назвали Анастасией.

Однако, увидеть своих родителей девочке не довелось. Через несколько месяцев красный командир Дмитрий Форофонтов погиб, сражаясь на фронтах Гражданской войны, а ещё через полгода в тифозном огне сгорела мать Настеньки. Так девочка и два её брата остались круглыми сиротами. Воевал Дмитрий храбро, и в советское время в селе Куриловка появилась улица имени братьев Форофонтовых. Кажется, существует она и поныне.

Дмитрий Петрович Форофонтов, первый справа в нижнем ряду

Недалеко от Форофонтовых проживало семейство зажиточных крестьян Захаровых. У Ивана Макаровича и Анны Михайловны своих детей не было - не выживали почему-то. И решили бездетные родители девочку удочерить. Уговорили сестёр Дмитрия, и Анастасия обрела новую семью. А братьев приютили родные тётки.

Гражданская война закончилась, и для деревни наступили окаянные времена: продразвёрстка, когда подчистую выгребался хлеб из крестьянских амбаров, военный коммунизм, потом голод в Поволжье. Семья Захаровых была, что называется, из кулаков. Хозяйство имела крепкое, не бедствовала.

Советская пропаганда рисовала нам богатых крестьян как кулаков-мироедов нещадно эксплуатирующих бедняков. Но такой труженицы как моя бабушка Аня я не видел никогда в жизни. “Ведь кто такой кулак, – говорила она мне, много лет спустя, - это тот, кто на кулаке спит, чтоб рассвет не проспять, и за работу”. Вот и вставала она до последних лет своей жизни не позже пяти утра, с восходом солнца. За всю свою долгую жизнь ни бабушка, ни дед Иван ни дня не работали на государство, жили своим трудом, натуральным хозяйством.

К началу 20-х годов Захаровы инстинктивно поняли, что в родном селе их ничего хорошего не ждёт и решили, покуда целы, ехать в далёкий Туркестан. Двумя семействами – у Ивана Макаровича был старший брат Степан – собрав всё, что можно было увезти с собой, двинулись они в далёкий и очень непростой путь. Среди вещей, захваченных с собой, особенно оберегали матрас, который ни на минуту не оставляли без присмотра. Внутри были зашиты царские золотые червонцы, которые их как помогли пережить тяжёлые годы, спасая от голода и нужды.

Сначала остановились в Туркмении, в городе Теджен. Здесь братья занялись контрабандой, мотаясь с различными товарами в Иран и обратно. Опасное ремесло, да и климат не очень подходил, и Захаровы решили перебраться в Самарканд. А что же маленькая Анастасия? В семье ее называли Стасей, Стасенькой, чтобы отличить от другой Анастасии, дочери Степана Макаровича, - Настеньки. Стася для приёмных родителей была поистине родной дочерью и росла в атмосфере любви и заботы, хотя все тяготы переезда делила наравне со взрослыми. От Туркмении у неё остались самые тяжёлые воспоминания – пыль, жара, комары, мухи, к тому же там она заболела ашхабадской язвой (пендинкой), оставившей на всю жизнь глубокий шрам на ноге. А вот Самарканд стал поистине родным городом - в нём прошли детство и юность моей мамы.

Иван Макарович и Анна Михайловна с приёмной дочерью. Самарканд, 1932 г.

В Самарканде Захаровы купили большой дом с обширным двором, в котором и зажили двумя дружными семьями. Братья купили лошадей и занялись извозом. Жили, не бедствуя даже в военные годы.

До четвёртого класса Стася не знала, что она приёмная дочь, наверное, так бы никогда не узнала, на всю жизнь оставшись Захаровой. Но время было жестокое и, желая добра дочери, приёмные родители решили вернуть ей настоящую фамилию и отчество родного отца. Одно дело - быть дочерью кулака, и совсем другое - красного командира. Жизнь школьницы после этого изменилась кардинально - бесплатные обеды, отрез на пальто, обувь и другие льготы, как по мановению волшебной палочки, свалились на дочь погибшего на Гражданской войне героя.

Самаркандские школьники 20-х годов. В матроске в нижнем ряду, Анастасия Форофонтова

После окончания школы Анастасия вместе с двумя ближайшими подругами задумала поступать в Самаркандский медицинский институт. И вот однажды, прекрасным летним утром 1937 года, девушки пошли

Крайняя справа - Анастасия Форофонтова

подавать документы в приёмную комиссию.

Пока добрались со старгородской улицы Чироба до центра, наступил обеденный перерыв. Чтобы скоротать время, подруги отправились прогуляться по Абрамовскому бульвару.

Здесь хочу отвлечься и немного рассказать об этой удивительно красивой улице древнего города. Бульвар был заложен в конце 19 века и назван в честь генерала Александра Абрамова - героя Туркестанской кампании, участвовавшего во взятии Пишпека и Ургута, а затем ставшего первым самаркандским губернатором. Бульвар,

утопающий в густой тени кленов, тополей и платанов, условно разделил новый и старый город и стал любимым местом для прогулок. После революции он получил название бульвар имени Горького.

В наше время, вновь сменив название, он стал Университетским бульваром. Правда, жители Самарканда, по-прежнему называют его Абрамовским. Вот по этому-то бульвару и решили прогуляться юные барышни. Пройдя немного, увидели красивое здание. Подошли ближе, чтобы рассмотреть его. Внушительное строение оказалось Институтом народного хозяйства имени Куйбышева. Увидев симпатичных выпускниц, молодые люди, стоявшие у центрального входа, стали настойчиво предлагать девушкам поступить на учебу именно в этот вуз. Зазывалы были красноречивы, и девушки, поддавшись уговорам, сдали документы в приемную комиссию. Видите, как обычный обеденный перерыв в учебном заведении может круто изменить ход событий и повлиять на будущее. Успешно сдав вступительные экзамены, Стася стала студенткой, совершенно не подозревая, что именно здесь её ждёт еще один поворот судьбы: встреча с Василием Фетисовым - студентом, учившимся курсом старше.

Глава вторая

Отец

Январским днём 1918 года в хлебный город Ташкент из охваченной гражданской войной России, а точнее из Рязанской губернии, прибыла группа беженцев. На перрон ташкентского вокзала сошли три сестры – Мария, Прасковья и Анна Зыковы. Старшую, Марию, сопровождал муж - коммерсант Георгий Пасхалиди. Должно быть, сильно припекло на родной Рязанщине, если Мария, носившая под сердцем первенца, решилась уехать с мужем и сёстрами в далёкий Туркестан.

Однако в Ташкенте тоже было беспокойно, революционные ветры долетели и в этот край. Тем не менее, всё как-то устроилось, и 24 апреля у Марии родился сын Василий – весь в отца и с таким же рыжеватым цветом волос. Мальшу не исполнилось и трёх месяцев, когда Георгий бесследно исчез. Просто вышел из дома и... пропал. Попытки отыскать его ни к чему не привели, и до конца своей жизни Мария так и не узнала, что с ним случилось. Чтобы прокормить себя и маленького Васю, молодая мать с утра до поздней ночи строчила на швейной машинке, обшивая ближних и дальних соседей.

Фёдор Ананьевич и Мария Андреевна

Так пробегали день за днём, месяц за месяцем, пока судьба не свела Марию с Фёдором Ананьевичем Фетисовым. Он работал на железной дороге и был вдовцом с тремя малыми детьми на руках – сыном Николаем и дочерьми Катериной и Анной. Мария откликнулась на предложение выйти за него замуж и в одночасье стала многодетной матерью, приняв в свое сердце, как родных, детей своего второго мужа. Надо сказать, и Фёдор Ананьевич отнёсся к ее первенцу по-отцовски, усыновив малыша. Так мой будущий отец Василий Пасхалиди стал Василием Фёдоровичем Фетисовым. В 1920 году в семье Фетисовых рождается ещё один сын – черноволосый и темноглазый Евгений.

Жили Фетисовы на улице Топографической, соединяющей улицы Гоголя и Жуковского, в так называемом жактовском дворе. И поскольку нынешнее поколение не представляет, что это такое, немного отвлечусь и расскажу об этом уникальном явлении ташкентского общежития.

Жилищно-арендные кооперативные товарищества (ЖАКТ) появились сразу после революции и представляли собой экспроприированные у прежних владельцев дома с обширными дворами, в которых расселялись беднейшие слои населения. К первоначальным капитальным зданиям добавлялись различные пристройки и сараи, разбросанные довольно хаотично, но с обязательными общими удобствами во дворе. В этом

новом типе советского жилища обитало до нескольких десятков семей. Однако это не были знакомые по произведениям Зощенко и Булгакова коммунальные квартиры. Главным отличием являлось то, что каждая семья имела свою собственную кухню. Это обстоятельство существенно влияло на взаимоотношение соседей.

Мне и самому довелось прожить в таком дворе четырнадцать первых лет своей жизни, и я с огромной теплотой вспоминаю те годы. В нашем дворе проживало семнадцать семей разных национальностей - русские, татары, евреи, армяне, узбеки, и я не помню ни бытовых, ни кухонных склок. Напротив, все жили довольно дружно, обязательно вместе справляли и Первомай, и 7 Ноября, и Новый год, и... Пасху. Куличи пекли все хозяйки двора и угощали соседей без оглядки на их вероисповедание, и мы, «дети разных народов», весело стучались в православный праздник крашеными яйцами. Когда сейчас звучит песня «Тородок» в исполнении Анжелики Варум, в памяти неизменно возникает то счастливое время:

Ах, как хочется вернуться,
Ах, как хочется ворваться в городок.
На нашу улицу в три дома,
Где все просто и знакомо на денек.
Где без спроса ходят в гости,
Где нет зависти и злости - милый дом.
Где рождение справляют
И навеки провожают всем двором.

Хотя ЖАКТовские дворы просуществовали только до 1937 года, название это сохранилось вплоть до 70-х годов.

Топографическая, где прошло детство моего отца, была тихой, небольшой улочкой, утопавшей в зелени, с журчащими с двух её сторон арыками.

Художник Владимир Петров. Ташкентский двор на Виноградной.

До середины 50-х годов она была вымощена булыжником. Я был маленьким, когда Топографическую переименовали в честь мужественного чешского журналиста и писателя, казнённого фашистами Юлиуса Фучика. Причиной послужил факт, что Фучик в конце тридцатых приезжал в Ташкент и несколько дней прожил на нашей улице в доме Дмитрия Манжары – заместителя Председателя Верховного совета Узбекистана, проживавшего там.

Вася и Женя росли, как и все дети той поры - целыми днями пропадали на улице или на берегу Салара, проводя досуг во всевозможных играх, в которых Василий горой стоял за младшего брата, никогда не давая того в обиду.

Братья Фетисовы. Ташкент, 1926 год

Учились они в ближайшей к дому школе № 60 имени Шумилова, где потом учились и мы с сестрой.

Братья увлекались техникой, фотографией и радиodelом, и Евгений в дальнейшем стал настоящим радиомастером, способным собрать любой радиоприёмник или магнитофон.

Василий и сын Манжары, Николай, стали близкими друзьями, и мой отец стал свидетелем трагедии, произошедшей с семьёй его друга в годы репрессий. Он видел, как забирали Манжару ранним летним утром 1937 года, видел, как тот вышел, шатаясь, со двора - в разорванной, окровавленной украинской вышитой рубашке. Через несколько дней забрали жену Дмитрия Ивановича и сына Николая. Впоследствии Николай Манжара, известный всему Ташкенту как лучший футбольный вратарь, полными пригоршнями, как пел Высоцкий, зачерпнул обиды и хлебнул горя, какого не бывает горше: тюрьма, затем штрафбат на фронтах Великой Отечественной, где он доблестно сражался и вернулся в родной Ташкент в гимнастерке, украшенной иконостасом орденов. А я запомнил дядю Колю слегка прихрамывающим, весёлым затейником, который блистательно изображал Чарли Чаплина под аккомпанемент аккордеона моего отца.

Учась в восьмом классе, Василий, увлекшись чудесами химии, пытался вместе с друзьями получить взрывчатое вещество. Всё закончилось драматически: отец потерял большой палец левой руки и только чудом не утратил зрения. В 1936 году, окончив школу, решил он поступать в Ташкентский текстильный институт. Надо сказать, из всех предметов, которые необходимо было сдавать, особенно горячо он любил – и любовь эту сохранил на всю жизнь – историю. Знал её не только по учебникам, но и по другим источникам, в том числе, для того времени "сомнительным". На вступительном экзамене по истории ему попался вопрос о Брестском мире. И, не мудрствуя лукаво, он стал рассказывать про огромную роль, которую сыграл для достижения этого, «похабного», по выражению Ленина, мира Лев Давыдович Троцкий. Преподаватель, усмотрев в этом крамолу, позеленел и стал пытаться бедного абитуриента, кто его научил такой страшной политической ереси. Василий, гордясь своими познаниями, стал рассказывать, из каких источников почерпнуты им такие подробности, но историк, став ещё более зелёным, вкатил ему неуд. Вернувшись домой, огорчённый Василий рассказал обо всём матери. Мария Андреевна была не столь наивной в политической обстановке и велела сыну немедленно скрыться, пока за ним не приехала "чёрная Маруся", как называли машины, увозившие по ночам арестованных. Она была уверена, что бдительный историк обязательно «настучит» в соответствующие органы и сына арестуют.

Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами "чёрных Марусь".

Так писала об этом времени Анна Ахматова.

Василий к словам матери прислушался, собрал вещи и тут же отбыл в Самарканд. Там он сдал документы в Институт народного хозяйства. На экзамене по истории, наученный горьким опытом, отвечал исключительно по утверждённому на то время учебнику и, успешно сдав остальные экзамены, стал студентом первого курса.

Первокурсник Василий Фетисов, первый слева, в нижнем ряду

Жилось студенту в чужом городе непросто. Но, бойкий характер и таланты не дали пропасть. Музыкант-самоучка, Василий играл на аккордеоне, гитаре, мандолине, ударных инструментах и подрабатывал этим, играя на танцах. Музыкальные таланты парня покорили сердце юной студентки Стаси, которая поступила в тот же вуз, но была на курс младше. В то далёкое время своего студенчества мои будущие родители находились на разных ступенях если не социальной, то, я сказал бы, финансовой лестницы. Отец был, что называется, голоштанником, и ему приходилось подрабатывать в свободное от учёбы время то на товарной станции железной дороги при разгрузке-погрузке, то на танцах ударником и аккордеонистом. Там то и заметила студентка Стася героя своего первого романа, и между ними, как писали в книгах, «вспыхнула неземная любовь». Однако для родителей Стаси

брак любимой дочери с обаятельным, но бедным студентом Васей был мезальянсом. Откуда же они могли знать, что этот бедный студент через три десятка лет станет Генеральным директором крупнейшего в Средней Азии научно-производственного объединения? Этому они знать не могли и всячески сопротивлялись союзу двух сердец. Но случилось то, что часто случается с юными и неопытными влюблёнными. Студентка оказалась в положении, и мой дед Иван Макарович, назвав Васю оскорбительным, с его точки зрения, словом "сюрприз", скрепя сердце дал согласие на свадьбу. По рассказам родителей, у жениха не было даже пальто, и бабушка моя, Анна Михайловна сшила зятю телогрейку. Однако Василий наотрез отказался жить у родителей жены "примаком", и молодожёны переехали в общежитие.

Отец обожал Чаплина, особенно фильм "Новые времена". Финал картины, когда маленький бродяга, взяв за руку любимую девушку, уходит по пустынному утреннему шоссе к своей новой счастливой жизни, всегда напоминал ему, как он сам уходил с молодой женой к своей новой и счастливой жизни.

Спустя положенное время, 27 января 1941 года в молодой семье появилась дочь Рая, моя старшая сестра. Родившись в Самарканде, детство и юность Рая провела в Ташкенте. Закончив Казанский химико-технологический институт, вышла замуж за своего сокурсника - самаркандского парня Валеру Аракелова и – вот еще один зигзаг судьбы - вернулась обратно в город, где появилась на свет.

Но это случится много позже. А спустя четыре месяца после рождения дочки грянула война, прервавшая счастье молодых родителей и мирную жизнь в стране.

Глава третья Война

В первых числах июня 1941 года Василий защищает диплом по специальности экономист планирования промышленности.

Выпуск Узбекского государственного института 1941 года

А 22 июня закончилась мирная жизнь, и специалист народного хозяйства становится офицером, пройдя ускоренные командирские курсы. Новоиспечённый лейтенант уходит на фронт, где уже воюет лейтенантом-связистом на третьем Украинском фронте его младший братишка Евгений. Судьба развела братьев по разным фронтам. Василий воевал на 2-м Украинском фронте, в артиллерийском полку.

Жена с маленькой дочкой остаётся в Самарканде, возвратившись в семью Захаровых. Как они прожили эти тяжёлые годы, я расскажу чуть ниже, а пока вернусь отцу.

Умение играть на музыкальных инструментах, пригодилось ему и на фронте. Как пелось тогда: “Кто сказал, что надо бросить песни на войне”. Нет и на войне сердце просит песенной отдушины.

Василий Фетисов (с аккордеоном) среди боевых друзей

На протяжении всей войны братья не теряли друг друга из виду. При первой возможности посылали друг другу письма, разными okazиями пытались узнавать новости. Однажды едва не встретились. Это случилось при проведении советскими войсками Яско-Кишинёвской операции, в которой участвовали оба Украинских фронта. Дядя Женя рассказывал мне, как в августе 44-го года, после завершения боёв в Бессарабии, искал брата. Искал среди живых и мёртвых, но не нашёл.

Смерть на войне всегда была рядом - так и кружила вокруг. Один случай, о котором отец рассказал мне, он запомнил навсегда. Однажды возвращался с группой офицеров в свою часть. На въезде в село, где расположился полк, машина притормозила. То ли колесо спустило, то ли ещё по какой-то причине. Отец решил немного размяться, перекурить. Увидел, что неподалёку сидит человек. Подойдя поближе, понял, что это глубокий старик. Присел рядом, угостил папиросой, стал спрашивать старика о жите-бытье. Он любил общаться с пожившими, умудрёнными людьми. Когда водитель просигналил, что пора ехать, отец крикнул, чтобы дойдёт пешком и продолжил беседу со стариком. Внезапно налетели немецкие бомбардировщики. Отец со своим новым знакомым побежали в укрытие. В воздух поднялись истребители, и вражеские самолёты были отогнаны. Но несколько бомб они, все же, успели сбросить, и одна из них попала в машину, на которой ехали в часть его однополчане и где должен был ехать и он, старший лейтенант Фетисов.

И Евгений не раз был на волосок от гибели. Но ангелы-хранители словно оберегали братьев. И однажды они всё-таки встретились. Встретились в поверженной Германии, в городе Наумбург, где отец оказался к концу войны и служил заместителем военного коменданта города^[1]. И дядя Женя, списавшись с братом, приехал к нему в часть.

Встреча братьев в немецком городе Наумбург. Май 1945

На груди младшего брата красовались два ордена Красной звезды – они вручались за личное мужество. Я расспрашивал дядю, за что он получил эти высокие награды. Первый, ответил дядя, он получил за форсирование Днепра и освобождение Киева, когда под свинцовым дождём тянул телефонный провод через Днепр.

- Знаешь, Вовка, - говорил он - мне никогда не забыть, как свистят пули, как они шлёпаются на излёте в воду, как уходят под воду сражённые товарищи. Никогда не забыть...

За этот подвиг Евгений Фёдорович был даже представлен к званию Героя Советского Союза. Однако повздорил с командиром, и тот в сердцах положил уже оформленное представление к званию под сукно.

А вторым орденом Красной звезды дядя Женья был награждён за подвиг, совершённый уже в Берлине, когда с группой связистов несколько часов сдерживал натиск врага и лично уничтожил два десятка гитлеровцев. Евгений демобилизовался в 45-м, и на Топографической улице появился черноволосый красавец-капитан с орденами на груди. Неровно забились сердца женщин - молодых и не очень - при виде статного офицера. Василий продолжил службу в Германии, налаживая там мирную жизнь. Лишь письма и открытки с видами Наумбурга доносили до жены и маленькой дочки всю любовь и нежность мужа и отца.

А в Самарканде, на улице Чироба, которая теперь называлась Комсомольской, в доме номер 115, продолжалась, хоть и нелёгкая, но мирная жизнь. В обеих семьях ждали скорейшего возвращения с фронта двух Василиев. У дочери Степана Макаровича Насти, мужа тоже звали Василием. Две Анастасии и два Василия удивительно. Здесь я передам слово своей сестре, в то время она была маленькой, но помнит довольно много. “Мы жили в комнате с земляным полом и столбом посреди, чтоб потолок не упал. Дед Иван, две бабушки (*мама Анны Михайловны, моя прабабушка, прим. В.Ф.*) и мы с мамой. Папа воевал. В комнате напротив дед Степан, с бабушкой Матрьюшей и двумя внучками и их матерью). А наверху, на балахоне жили тётя Настя с детьми. Жили мы очень дружно. У нас были коровы, и бабушка делала мацони (*так в Самарканде называют кислое молоко. Прим. В.Ф.* Каждое утро она ходила на базар, он был неподалеку, и продавала его в гранёных стаканчиках. Она делала пенку, вырезала, и сверху, в каждый стаканчик, клала эту пенку. Люди расхватывали такое лакомство и никто не мог понять, как эта пенка получалась. И каждый день с базара она приносила для меня черную лепешечку размером с блюдечко. Это было потрясающе вкусно. Помню, как папа вернулся с фронта на побывку в 45 году. Ждали дядю Васю Булычева. Ночью в стенку постучали, окон на улицу не было. Мама и тетя Настя выбежали, кричат Вася приехал, а какой я понять не могу. Потом мы с папой играли в классики - мак мак, дурак, если с закрытыми глазами наступаешь на черту. И вот мы играем, и папа наступает на черту и я кричу дурак, дурак, баба Аня меня ругать начала, как я на папу говорю. Я ей объясняю, что это в игре так говорят. Как папа уезжал, не помню”.

В 1942 году Анастасия окончила институт и устроилась на работу. Стало полегче.

С окончанием войны военная служба для отца не закончилась. Из Германии он был отправлен в Подмосковье, в знаменитую Кантемировскую дивизию. И моя мама, оставив маленькую дочку родителям, отправилась к мужу.

Демобилизовался он в 47-м, вернулся в Ташкент и поступил на работу на Ташкентский электротехнический завод на должность инженера по снабжению.

Мне моя мама рассказывала, как они с отцом по очереди заходили в учреждения и искали работу. В одно учреждение мама, в следующее - папа. Заходить в “Узбекбрюляшу” должен был папа, но вдруг говорит: давай

Стася ты зайди и её взяли. И опять случай - вся наша судьба могла пойти по-другому пойдя первым отец.

А 3 марта 1952 года, на свет появился автор этих строк.

Мамины же родители, не захотев жить вдали от дочери, в начале 50-х тоже перебрались в Ташкент, купив домик в Шумиловском городке. Вот таким образом, путём невероятных стечений обстоятельств, и множества случайностей было выбрано время и место моего рождения. Но, я уверен, у каждого в этом мире, есть похожая история. Ибо вся наша жизнь, это цепь случайностей.

А может быть это и не случайность вовсе, а всё давно predetermined and each, even the smallest event, is recorded in some kind of Highest Office of the Chancery Book.

Тем не менее, благодаря этой цепи случайностей мой жизненный путь начался именно здесь, на Топографической улице города Ташкента.

Глава четвёртая

Неудержимое течение времени

Потекла мирная жизнь. Сестра пошла в школу – в ту же самую где когда-то учился отец. Мама работала в «Узбекбрюляшу». А отец, каждое утро отправлялся на велосипеде на завод, ставший для него вторым домом. Через год он становится начальником отдела снабжения, ещё через два заместителем директора, а в 1952 году назначается директором Ташкентского электротехнического завода.

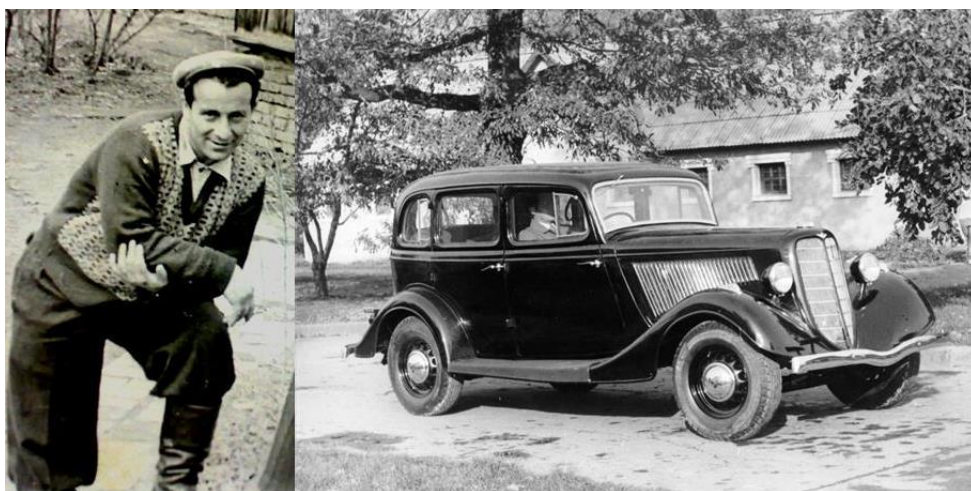

Директор Фетисов В.В. (сидит) и главный инженер Мясоедов Е.С.

На этом можно было бы и закончить повествование о роли случайности в моей судьбе, но займу ещё немного времени у читателя, чтобы рассказать немного о дальнейшей жизни моей семьи.

Как я уже сказал, Иван Макарович и Анна Михайловна, в начале 50-х годов тоже переехали в Ташкент. Дед продал свою часть дома в Самарканде брату, и, сложив свои немудрёные пожитки в грузовик, старики отправились в город, где жила их дочь. В Ташкенте они купили домик в Шумиловском городке, завели кур, свиней и стали жить привычной для себя деревенской жизнью.

Мама моя, уволилась с работы и сидела дома со мной, став обычной домохозяйкой. А я стал ходить в ведомственный детский сад при заводе. Правда, слово ходить здесь не подходит, поскольку садик располагался довольно далеко от дома - на Болгарских огородах. Каждое утро, вместе с отцом я уезжал из дома на чёрной «Эмке», - так в народе называли автомобиль советского производства МК-1 - за рулём которой неизменно восседал Ашот Барсегян, дядя Ашик. Двадцать восемь лет, до самой своей смерти, он проработает бок о бок с моим отцом, став не столько водителем, сколько одним из членов нашей семьи. Во время войны он служил в Иране и свободно говорил на армянском, азербайджанском, узбекском, таджикском и, конечно, русском языках. Менялись марки автомобилей - «Эмка», «Победа», «Волга», но за рулём по-прежнему сидел Ашот Барсегян. Посещая могилы своих родных на Боткино, не забываю зайти и к дяде Ашику.

Ашот Барсегян со своим "железным конём"

Время шло, сестра окончила школу, а я пошёл в первый класс. Мама опять устроилась на работу, на этот раз в «Узглавэлектроснаббыт», где проработала до пенсии. Сестра поступила на энергофак ТашПИ, но через

год специальность закрыли, и всю группу перевели в Казанский химико-технологический институт. После окончания она вернулась в Ташкент, но вскоре вышла замуж, и уехал в Самарканд - город, в котором родилась. Отец успешно продолжал директорствовать, и в середине 60-х годов по его инициативе завод был преобразован в НПО «Средазэлектроаппарат», первым Генеральным директором которого он и стал. Это было мощное предприятие с двумя заводами в Ташкенте, филиалами в Узбекистане, Таджикистане и Казахстане, с Научно-исследовательским институтом реле и автоматики, который также возглавил отец. Объединение выпускало

Отец во главе объединения на демонстрации

разнообразную продукцию, в том числе аппаратуру для электростанций всех видов. Впечатляет список стран куда экспортировалось оборудование, производимое объединением: Индия, Вьетнам, Афганистан, Иран, Ирак, Куба, государства Африки и страны социалистического содружества.

После землетрясения мы уехали с Топографической. Отец получил участок и построил дом в районе Выставочной. Безумно жалко мне было покидать места моего детства и отрочества, но права голоса у четырнадцатилетнего подростка не было.

Как пелось в одной песне – от радости и горя мы все на волосок. В конце 60-х уходят из жизни дед Иван и моя прабабушка Надя. Анна Михайловна перебирается к нам и уже две бабушки живут в нашем доме, практически один к одному повторяя знаменитый дуэт Авдотьи Никитичны и Вероники Маврикиевны. Без потрясений прошли полтора десятка лет: я женился, окончил институт, у меня родились дети – жизнь шла своим чередом. А в 1983 году пришла беда – тяжело заболел отец. Как он не боролся, но болезнь побеждает, 25 июля 1984 года он оставил нас. Прощание проходило на головном заводе. Тысячи людей пришли на эту траурную церемонию, чтобы проститься с человеком, так много сделавшим для них.

В 1991 году объединение отмечало своё 50-летие. Отмечало торжественно, во дворце Дружбы Народов. К знаменательной дате была выпущена книга, где очень тепло говорилось о первом генеральном директоре: «Первым среди безвременно ушедших старших товарищей они назовут человека, который учил любви и уважительности друг к другу, профессиональному мастерству и ответственному отношению к порученному делу, который сам учился у людей доброте и человечности, умению смотреть вперёд, жить завтрашним днём и всеми своими помыслами и делами приближать его. Человека, который сделал столь много нового и незабываемого для Ташкентского электротехнического завода, преобразил его, вывел на светлую дорогу научно-технического прогресса. Человека, который стоял у истоков объединения, породил его и стал его первым Генеральным директором, отдав своему детищу все свои силы, знания, многолетний опыт первоклассного инженера и воспитателя.

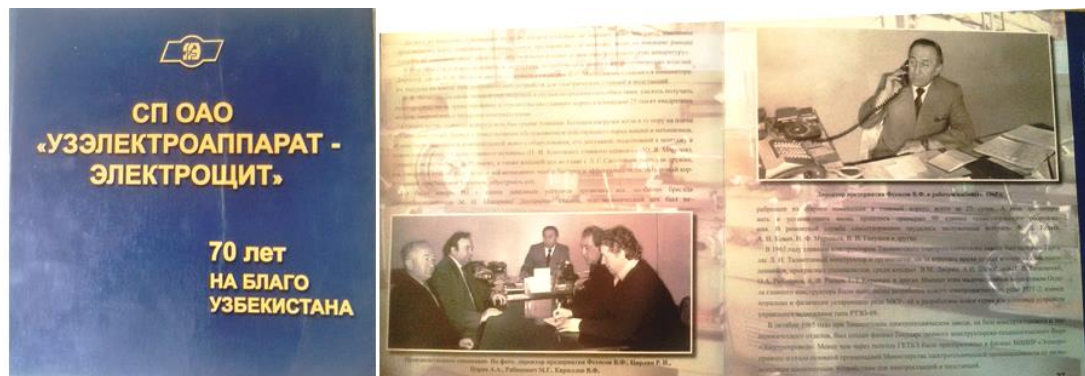
Человека, чьё имя с благодарностью и бесконечным уважением произносят многие заводчане. Это имя – Василий Фёдорович Фетисов»

Прошло одиннадцать лет со дня кончины отца, и тогдашний генеральный директор, теперь уже «Узэлектроаппарата», А. Алимбаев, депутат Олий Мажлиса, добился выполнения наказа работников

объединения о переименовании улицы, на которой находился головной завод, в честь основателя и многолетнего генерального директора объединения Фетисова Василия Фёдоровича.

Улица, имя Фетисова носила чуть более 10 лет. Затем её переименовали, теперь она безлико называется - Талимаржон. А «Узэлектроаппарат» выкупила Самарская компания «Электрощит» и теперь завод называется «Узэлектроаппарат – Электрощит». Возглавляет его сегодня Владимир Раюк, человек, который работал под началом моего отца. Радует, что предприятие успешное, в 2011 году оно отметило 70-летие. На этот раз торжества прошли в концертном зале «Туркистон». К памятной дате была выпущена книга, где несколько страниц посвящено отцу.

Не так давно я прочёл роман Бориса Акунина «Аристонмия». Термин этот придумал сам Акунин и означает он учение о Человеке Идеальном - Аристоме. Что-то вроде «людена» у Стругацких. По теории писателя Аристомом определяется характеристиками, которые можно разделить на две группы, где первая определяет отношение к себе, вторая отношение к окружающим:

1. Стремление к самосовершенствованию, развитию
2. Самоуважение
3. Ответственность
4. Выдержка
5. Мужество
6. Уважение к другим
7. Эмпатия

Я задумался: в своей достаточно долгой жизни встречал ли таких людей? На страницах книг – да. В кино и театре – да. А из тех, с которыми был знаком? По счастью, встречал. Их не так много, но, тем не менее, они были, а некоторые и есть. Один из них – человек, обладавший всеми этими качествами, - мой отец, личность невероятной харизмы.

Сколько себя помню, отец, несмотря на занимаемый им высокий пост, всегда занимался ещё чем-то. Он очень любил читать, мог до утра просидеть над захватившей его книгой, а потом шёл на работу. Он сам собирал приёмники, радиолы, и в доме частенько пахло канифолью и расплавленным оловом. Занимался фотографией, для чего в подвале оборудовал фотолабораторию. Своими руками сделал стеллаж для книг, шахматный столик и тумбочку-подставку для телевизора. Увлекался футболом, и мы ходили большой заводской компанией на все матчи на стадион «Пахтакор». Часто брал он меня и на рыбалку, опять же в компании близких друзей-коллег. Отец, насколько я знаю, и с начальством – министрами, секретарями различных «комов» – держался достаточно независимо, знал себе цену и ему цену знали тоже. Отличительными его чертами были самоуважение и ответственность, думаю безответственный человек на такой должности долго бы не задержался.

С выдержкой у него тоже было всё в порядке. Всегда ровен и спокоен, хотя работа была достаточно нервной. Бесконечное выполнение и перевыполнение плана, сопровождаемое иногда штурмовщиной. Выдержка и терпение были присущи ему в очень большой степени. У человека, прошедшего всю войну, мужества, думаю, не отнять.

К людям относился с уважением, независимо от занимаемого положения. Я от него никогда ни о ком не слышал дурного слова. И люди отвечали ему тем же - он помогал им всю жизнь. Ни жестоким, ни мстительным никогда не был, а великодушен - всегда.

Мама пережила отца на восемь лет – она ушла в сентябре 1992 года.

С дочерью у проходной завода

Жизнь продолжается, неукротимо течёт река времени - у меня у самого уже появились внуки и есть большой шанс стать в скором времени прадедом. Я сделаю всё возможное, чтобы мои потомки никогда не забыли тех, кто дал жизнь мне, а тем самым - всем им.